

НЕКОТОРЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ
РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются гендерные особенности речевого акта угрозы, проявляющиеся на языковом и речевом уровнях. Описываются основные особенности языкового оформления речевого акта угрозы в русском языке.

Гендерный фактор является одной из существенных характеристик личности и на протяжении всей ее жизни определенным образом влияет на ее осознание своей идентичности, а также на идентификацию говорящего субъекта другими членами социума. Поэтому изучение гендера, гендерной идентичности, гендерных отношений в различных сферах жизни и деятельности человека позволяет иначе взглянуть на природу человека, общества и человеческую деятельность.

Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации, особым образом выражающим ее системные характеристики и структурирующим отношения между говорящими субъектами. Зафиксированные в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, гендерные отношения накладывают отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации.

Различия мужской и женской речи проявляются на всех уровнях ее организации, что означает, что речевые акты угрозы также должны обладать гендерными отличиями. Гендерные отличия между мужскими и женскими угрозами проявляются как на уровне речевого поведения, так и на уровне языковых средств оформления менасива.

В собранном нами практическом материале и мужчины, и женщины прибегают к угрозам, как средству манипулирования собеседником, однако следует отметить, что мужчины угрожают гораздо чаще, чем женщины. Эту особенность мужской речи можно объяснить таким, отмечаемым многими исследователями, качеством мужского поведения, как агрессивность. Женщины при построении речевого поведения чаще избегают конфликтных ситуаций, прибегая к угрозе как крайней мере, чем и объясняется значительно меньшее количество «женских» речевых актов угрозы.

В подавляющем большинстве случаев мужчина угрожает применением физического насилия. Угроза часто при этом имеет форму прямого речевого акта, в котором ликующе-меляющий характер речевого акта явно выражен: «*Послушай, Морозевич, в то, что ты отвернул на десять минут и семисоткилограммовый агрегат пропал – в это не поверит никто, даже я. Поэтому я буду тебя бить до тех пор, пока ты не скажешь мне, где эта штучка*»; «*Я тебя изуродую сейчас так! По сто баксов каждому*» – ни о чем не говорит, нет?»

Иногда говорящий может лишь намекать на возможное физическое насилие с его стороны, используя косвенный речевой акт угрозы. В этом случае угрожающий характер реплики можно распознать, учитывая контекст и экстралингвистические средства общения: «*Ты, чё, мало ему проблем создал?*» «*Он мой друг!*» «*Если он твой друг, не порти ему жизнь*». После этой реплики говорящий подносит свое лицо к лицу адресата, долго смотрит ему в глаза, затем говорит: «*Бойся меня*».

Угрожающий характер реплики при невербализованности угрозы можно опознать, опираясь на паралингвистические средства, в частности мимику и жесты. Так, в следующем примере средством передачи угрозы являются жесты: «*Завтра пойдешь и заберешь заяву. Если этого не произойдет...*» «*Чё ты испугался?...*»

Говорящий не оканчивает предложения, таким образом не вербализуя угрозу, однако замахивается на адресата, изображая нанесение побоев. То, что адресат распознает угрозу, несмотря на ее косвенное выражение, ясно из дальнейшего комментария говорящего.

Также примером косвенной угрозы может послужить демонстрация оружия или любого другого предмета, которое может быть использовано в качестве такового: «*Эй, парниш! В чем дело-то?*» «*Ребята, разбежались быстренько, а?*»

Вербально в этом случае угроза не была выражена, однако при произнесении реплики «*Ребята, разбежались быстренько, а?*» говорящий распакивает куртку, чтобы была видна кобура пистолета. В реплике говорящего нет эмоционально окрашенной лексики, намекающей на потенциальную угрозу, интонация реплики нейтральна и не несет оттенка угрозы, тем не менее, адресатами угроза была опознана и они подчинились требованиям говорящего, покинув место происшествия.

Несмотря на то, что угрозы, произнесенные женщиной, встречаются гораздо реже, чем «мужские», что говорит об их более вежливом коммуникативном общении, угроза физического насилия также часто исходит и от женщины. В отличие от «мужских» угроз, в «женских» угроза физического насилия чаще всего выражается косвенно, посредством паралингвистических средств: интонации, жестов и мимики. «*Ах, вот оно что! Так это твоя машина?*» «*Да*». «*Ну, подожди, сейчас ты у меня получишь!*»

В предшествующем примере угроза выражается при помощи интонации, а также угрожающих жестов руками, имитирующих нанесение ударов.

Угроза применения физического насилия женщиной подтверждает, что мужчины и женщины индивидуально и часто далеки от психологических портретов с присущими им типичными чертами, поэтому если женщина властна, агрессивна и склонна доминировать, видит мир как иерархию господства и пытается занять свое место в ней, она вполне может прибегнуть в подобной угрозе.

Как в «мужских», так и в «женских» угрозах, выраженных конвенционально, говорящий в языковом плане выражен при помощи личного местоимения «я»: «*Тронешь меня еще раз – я тебя в землю зарюю*».

Иногда личное местоимение «я» может опускаться, что может быть объяснено тем, что на личность говорящего указывает личная форма глагола в 1 лице единственного числе: «*Ты, что, опять под кайфом, что ли? Еще раз увижу – убью!*»; «*Сами выйдите отсюда, живо! А то обоих пошмалю!*»

На адресата угрозы указывает личное местоимение «ты» в косвенном падеже или притяжательное местоимение «твой»: «*Сейчас я с тобой разберусь...*»; «*Я, вот, сейчас эту твою ухмылочку по асфальту размажу...*»

В русском языке «мужские» угрозы часто выражены нейтральными глаголами «получить», «показать», которые лишь в контексте приобретают оттенок угрозы. Если угроза представляет собой физическое насилие над адресатом, то в этом случае она выражена при помощи лексем «убить», «изуродовать»: «*Если ты еще раз к ней подойдешь, я тебя действительно убью!*»

Тем не менее, в большинстве угроз, произнесенных мужчинами, встречается бранная лексика, эмоционально окрашенная лексика. В большом числе примеров говорящий, угрожая, пытается оскорбить адресата: «*Слушай, подонок! Если ты к ней еще раз подойдешь, я тебя действительно убью!*»; «*Если я тебя еще раз увижу со своим сыном, ты у меня, пада, живым не уйдешь!*»

В «женских» угроза такая лексика встречается довольно редко, и угроза реализуется без использования табуированной или бранной лексики. «*Если сами умыть не хотели, так надо было следить за ними. Миша, ты*

знаешь, что я завтра с тобой сделаю? Завтра и узнаешь...»; «*Да что случилось-то?*» «*Я тебе сейчас покажу, что случилось...*»

Особенностью исключительно мужской речи является использование огромного количества просторечных слов и выражений, в то время как в женской речи такие лексические единицы встречаются довольно редко: «*Э, ты че творишь-то? Да я тебе щас!*»; «*Сынок, я те щас такую энергию устрою, я те такую органику устрою, и материю, и все, что хочешь!*»

Таким образом, собранный материал иллюстрирует определенные гендерные различия в способах и средствах выражения речевого акта угрозы в русском языке. Так, мужчины произносят речевые акт угрозы чаще, чем женщины, угрожая при этом физическим насилием. Женщины прибегают к угрозам в исключительных случаях; угрожая, женщины меньше, чем мужчины, используют бранную лексику и инвективы. «Мужские» угрозы содержат большое количество бранной лексики и просторечных слов в отличие от «женских» угроз, которые отличаются нейтральной лексикой и стандартизованностью произношения.

Литература

1. Богачева, М. В. Специфика гендерной дифференциации языковых средств / М. В. Богачева // Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского [Электронный ресурс]. – 1999. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozn/2008_14/article/8.pdf. – Дата доступа: 24. 10. 2012.